

В. Лагус

Эрик Лаксман

**его жизнь, путешествия,
исследования и переписка**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. Лагус**
Эрик Лаксман: его жизнь, путешествия, исследования и переписка / В. Лагус –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 495 с.

ISBN 978-5-4241-8132-0

ISBN 978-5-4241-8132-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Введеніе.

Имя Лаксмана часто упоминается съ похвалою какъ современными ему, такъ и болѣе поздними писателями почти по всѣмъ областямъ естествовѣдѣнія — ботаниками, зоологами, минералогами, химиками и метеорологами; но мы не имѣемъ связнаго, болѣе полнаго описанія жизни и дѣятельности его. Все, что до насъ дошло о немъ, ограничивается сообщеніями, занимающими не болѣе нѣсколькихъ строкъ или много страницы; этимъ мы обязаны Бюшингу¹⁾, I. Хр. Гроту²⁾, Леммериху³⁾, Бернульи⁴⁾, Мейзелю⁵⁾, Ротермунду⁶⁾, Георги⁷⁾, И. А. Эйлеру⁸⁾, Сласскому⁹⁾, Евгенію¹⁰⁾, Розенгане¹¹⁾, Визельгрену¹²⁾, Йельту¹³⁾, Бергу¹⁴⁾, Поггендорфу¹⁵⁾, Мейеру¹⁶⁾ и другимъ составителямъ библиографическихъ указателей и энциклопедическихъ словарей. Въ этихъ скудныхъ сообщеніяхъ одни нерѣдко шли по ошибочнымъ слѣдамъ другихъ или же прибавляли новыя ошибки, вслѣдствіе чего самыя послѣднія свѣдѣнія и сдѣлались самыми ненадежными¹⁷⁾. Извѣстія о Лаксманѣ, встрѣчающіяся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ того времени, вообще болѣе вѣрны, но имѣютъ совершенно случайный характеръ.

Такимъ образомъ сохранившіяся въ печати воспоминанія о Лаксманѣ не соотвѣтствуютъ заслугамъ изслѣдователя, которому по многимъ вопросамъ принадлежитъ первый починъ и коего внѣшнія обстоятельства были необыкновенно перемѣнчивы и странны. Этимъ объясняются два особенныя затрудненія при составленіи его біографіи. Съ одной стороны подробности первой половины его жизни, имѣвшей огромное вліяніе на всю

судьбу его, должны быть почерпаемы въ малоизвѣстной Финляндіи, къ которой онъ принадлежалъ по рожденію и воспитанію: большая же часть послѣднихъ лѣтъ его протекла въ другой, отдаленной и суровой странѣ, — въ Сибири, гдѣ онъ нашелъ и свою могилу. Къ этому, съ другой стороны, слѣдуетъ прибавить, что отличительное направленіе дѣятельности его, вызванное рано развившеюся въ немъ любовью къ природѣ во всемъ ея разнообразіи, не позволяло ему заключиться въ тѣсныя предѣлы одной области знаній; онъ никогда не сосредоточивалъ умственныхъ силъ своихъ на какомъ-нибудь обширномъ капитальномъ трудѣ, который могъ-бы возбуждать въ потомствѣ болѣе сильное желаніе познакомиться съ его личностью. Подобно многимъ другимъ знаменитымъ ученымъ¹⁸⁾ не охотно предаваясь работѣ систематическаго изложенія, онъ довольствовался отрывками въ краткихъ сочиненіяхъ и статьяхъ, или эскизами всего новаго, имъ видѣннаго и испытаннаго, или же излагалъ свои наблюденія въ дружескихъ письмахъ къ многочисленнымъ корреспондентамъ и друзьямъ, съ которыми обмѣнивался находками.

Слѣдствіемъ этого было то, что произведенія пера его приходится отыскивать въ далеко разбросанныхъ мѣстахъ и собирать главнымъ образомъ изъ газетъ и брошюръ, которыя навѣрно ни въ одной библіотекѣ не отыщутся всѣ; притомъ труды его интересуютъ лишь немногихъ ученыхъ и обыкновенно не содержатъ ни малѣйшаго намека на самого автора. Можетъ статься, наконецъ, для желавшихъ узнать о немъ болѣе и то служило помѣхою, что онъ часто писалъ на мало извѣстныхъ въ ученomъ мѣрѣ языкахъ, шведскомъ и русскомъ.

При упомянутыхъ обстоятельствахъ этотъ многосторонній специалистъ, этотъ «*acutissimus observator*», какъ называли его Палласъ, Риттеръ и др., остался бы еще болѣе забытымъ и неизвѣстнымъ, еслибъ онъ около десяти лѣтъ не состоялъ ординарнымъ членомъ одного изъ центровъ европейской учености, Петербургской Академіи Наукъ, хотя, — прибавимъ тутъ же, — этотъ періодъ не даетъ ему единственнаго или главнаго права на прочное воспоминаніе.

Руководясь участіемъ, всегда питаемымъ къ заслуженному и знаменитому соотечественнику и по возможности ознакомившись

съ тѣмъ, что было опубликовано о Лаксманѣ или сообщено имъ самимъ, я попытался изъ этого матеріала составить цѣлое. Однакожъ пробѣлы и противорѣчія въ собранномъ матеріалѣ оказались слишкомъ важными, чтобы начертить правдивую и удовлетворительную картину его жизни. Я не могъ довольствоваться невѣрными, на скорую руку набросанными, въ формѣ реестровъ работами прежнихъ біографовъ, не могъ остановиться и на множествѣ вновь приобрѣтенныхъ вѣрныхъ фактовъ: факты служатъ не проявленіемъ жизни, а скорѣе свидѣтельствомъ прошедшаго, изъ нихъ мы только узнаемъ, что они случились, не извѣстно однакожъ почему. Оставалось изслѣдовать ихъ настоящее достоинство и значеніе, ихъ происхожденіе и связь, ихъ внѣшнія и внутреннія условія; оставалось то, что было главною задачею біографіи, какою я представлялъ ее себѣ.

Продолжительные поиски и весьма обширная переписка мало по малу доставляли мнѣ изъ разныхъ собраній рукописей въ Финляндіи, Швеціи, въ Петербургѣ и Сибири драгоценныя пособія для моей цѣли. Въ особенности благоприятно было открытіе, что гораздо большее число собственноручныхъ писемъ Лаксмана, нежели я смѣлъ надѣяться, избѣгли уничтоженія. вмѣстѣ съ тѣмъ удалось мнѣ получить не мало неизвѣстныхъ до того писемъ, написанныхъ современниками Лаксмана, иногда къ нему самому, затрогивающихъ то, что его интересовало, или заключающихъ въ себѣ мнѣнія и свѣдѣнія объ его предпріятіяхъ. Разные официальные документы, протоколы и служебные отчеты были сверхъ того предоставлены въ мое распоряженіе.

На основаніи этихъ-то вкратцѣ упомянутыхъ, какъ рукописныхъ такъ и печатныхъ матеріаловъ, при собраніи которыхъ я пользовался обязательною помощію многихъ лицъ *),

*) Въ этомъ отношеніи считаю приятнымъ долгомъ особенно упомянуть о гг. академикахъ Я. К. Гротѣ и А. А. Шюнерѣ въ С.-Петербургѣ, ходатайству которыхъ я обязанъ тѣмъ, что во время пребыванія моего въ сѣверной столицѣ не только многіе архивы и бібліотеки были мнѣ доступны, но также и великимъ преимуществомъ, что съ разрѣшенія тамошней Академіи Наукъ я могъ пользоваться дома у себя многими дорогими книгами и документами. Съ рѣдкою услужливостію и г. бібліотекаръ И. А. Альстрандъ въ Стокгольмѣ высылалъ мнѣ богатый матеріалъ изъ собранія рукописей шведской Академіи наукъ и изъ другихъ рукописныхъ коллекцій. Къ сожалѣнію, два весьма важныя дополненія къ собраніямъ мною матеріалами дошли до

и составила предлагаемая биография Лаксмана. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ или другой болѣе или менѣе важный пунктъ въ ней окажется недостаточно выясненнымъ; но во всякомъ случаѣ описываемое нами лицо теперь почти ни на минуту своей подвижной и тревожной жизни не остается вполнѣ сокрытымъ отъ нашего взора. Мы можемъ слѣдить за ходомъ судьбы его, можемъ обозрѣвать жизнь его отъ колыбели до могилы, можемъ заглянуть въ душу его, узнать его намѣренія и надежды, какъ осуществившіяся, такъ и обманутыя, часто выраженные его собственными словами; судъ нашъ о немъ можетъ опираться на свидѣтельство людей близкихъ къ нему и къ его дѣятельности.

Будетъ ли читатель признателенъ мнѣ за новое знакомство, которое я намѣренъ доставить ему? Я убѣжденъ въ томъ, на сколько это касается самаго человѣка; ибо, говоря предварительно о немъ, онъ мнѣ кажется такимъ, что каждый пожелаетъ расширить свое знаніе людей изученіемъ этого вполнѣ самостоятельнаго характера, этой личности, будто выхваченной изъ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, онъ испыталъ и совершилъ столь многое, вступилъ на такіе новые пути, сорвалъ покрывало со столькихъ предметовъ и истинъ въ природѣ, обогатилъ музеи и коллекціи такими цѣнными вкладами, подавалъ съ такою готовностью руку помощи лучшимъ мужамъ своего времени, отъ Линнея до Палласа, и на своемъ собственномъ служебномъ поприщѣ встрѣчалъ столь необыкновенныя превратности; наконецъ обладалъ такою здоровою, прямою и энергичною, но вмѣстѣ съ тѣмъ скромною и покорною душою, что отъ него нельзя не поучиться и не взять его въ примѣръ.

Пусть онъ, съ точки зрѣнія распредѣленія труда въ наше время, при исключительномъ правѣ, присвоенномъ разнымъ исследователямъ на каждую отдѣльную былинку, простираетъ любознательность свою на слишкомъ многія области, чтобы сдѣлаться первенствующимъ на одномъ изъ нихъ. Допустимъ, что въ немъ

меня уже по отпечатаніи большей части текста биографіи. Я разумю: 1) записку, присланную мнѣ внукомъ Эрика Лаксмана, русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Лиссабонѣ А. А. Лаксманомъ, и 2) письма нашего ученаго къ архіепископу Меннандеру. Свѣдѣнія, почерпнутыя мною изъ этихъ двухъ источниковъ, читатель найдетъ въ особой главѣ, помѣщенной въ концѣ настоящаго труда.

мы не находимъ въ точномъ смыслѣ теоретика, еще менѣе дрессированнаго по правиламъ искусства при свѣтѣ ночной лампы кабинетнаго ученаго. Допустимъ также, что экономическая теорія полезности, единственная теорія, имѣвшая иѣчто привлекательное для его практическаго ума, покажется намъ довольно старомодною. Такъ пусть-же насладятся контрастами! И читатель пусть радуется, что живетъ въ такое время, когда все понимается гораздо лучше, и простить благосклонно главный недостатокъ Лаксмана, если это можно назвать недостаткомъ, — его кроткую дѣтскую простоту, которая отъ зрѣлища прекрасной и мудрой цѣлесообразности природы направила его на путь науки, не такъ, какъ мы обыкновенно дѣлаемъ (хотя часто не достигая цѣли) — отъ науки идемъ къ природѣ. Природныхъ поэтовъ мы иногда находимъ и въ ученомъ мѣрѣ: Лаксманъ былъ именно такимъ поэтомъ. Закончивъ трудъ жизни грустною одинокою смертию, онъ своимъ неустаннымъ самоотверженіемъ примирить съ собою и самаго строгаго критика.

Но съ другой стороны, мое изложеніе этого богатаго, многообъемлющаго предмета несомнѣнно встрѣтитъ много важныхъ возраженій. Болѣе всего меня беспокоитъ масса разнородныхъ спеціальностей, которыя необходимо будетъ совмѣстить, ибо онѣ легко производятъ утомленіе, особенно если будетъ сдѣланъ какой нибудь промахъ при группировкѣ ихъ. Тѣмъ не менѣе составленный мною планъ не позволитъ мнѣ самовольно убавлять ихъ или по произволу облегчать грузъ, даже жертвуя выгодой черезъ то сдѣлать разсказъ заманчивѣе или сообщить ему болшую наглядность. Такъ какъ я вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшился включать въ самый текстъ болѣе подробныя и преимущественно буквальные цитаты изъ писемъ Лаксмана, да изъ сочиненій, болшею частью рѣдкихъ — меня все-таки затрудняетъ пестрое содержаніе этихъ актовъ и обязываетъ приложить къ нимъ необходимыя пояснительныя примѣчанія. Біографъ, и въ особенности описывающій такого завятаго любителя дѣйствительности и энтузіаста частныхъ, какимъ былъ Лаксманъ, не располагаетъ свободою автора мемуаровъ оставлять вопросы неисчерпанными и неизслѣдованными, а принужденъ, хоть нехотя, разрѣшать ихъ по всѣмъ пунктамъ.

Съ этимъ сопряжено другое затрудненіе. Если біографія обязана оказать лицу полное вниманіе, то она должна не только придать его стремленіяиъ жизнь и движеніе, но, идя впередъ съ жизнью и движеніемъ, отмѣчать то, что отъ него осталось существующимъ въ результатахъ; она должна, виѣстѣ съ исторіею, отыскать и занять точку зрѣнія прошедшаго времени; а вслѣдъ за тѣмъ должна критически стать на точку зрѣнія современности; она должна заботиться о томъ, чтобы изображаемое лицо являлось не только жившимъ, но и живущимъ еще теперь съ нами. Эта двойная задача требуетъ тѣмъ болѣе вниманія, чѣмъ многостороннѣе, чѣмъ специальнѣе и чѣмъ менѣе замѣтна была работа отдѣльной личности. Хотя я не специалистъ въ тѣхъ разнородныхъ областяхъ, о которыхъ мнѣ придется говорить, но не могу, изъ опасенія кое-гдѣ впасть въ ошибку, небрежно относиться къ тому, что признаю долгомъ своимъ, — долгомъ, который въ настоящемъ случаѣ становится еще обязательнѣе вслѣдствіе равнодушія самого Лаксмана къ достиженію первенства при жизни или славы въ потомствѣ.

Связующею основою для множества мелкихъ и пестрыхъ частныхъ постараюсь представлять читателю болѣе обширный видъ, картину времени или описаніе мѣстностей, — сожалѣя однако, что это лишь изрѣдка можно будетъ дѣлать словами самого Лаксмана. Въ какихъ-бы разнообразныхъ обстоятельствахъ онъ ни находился, какъ бы ни были многообразны земли, которыя посѣщаль этотъ континентальный Одиссей, въ его письмахъ и прочихъ сочиненіяхъ встрѣчаются лишь весьма рѣдко общія обозрѣнія и характеристики. Послѣ того, какъ Шлѣцеръ употребилъ во зло нѣкоторыя изъ его откровенныхъ юношескихъ сообщеній¹⁹⁾, онъ, кажется, наложилъ на себя строгую осторожность въ своей перепискѣ, и мало по малу (послѣ того, какъ въ началѣ его авторской дѣятельности Палласъ, Фалькъ и Георги въ объемистыхъ сочиненіяхъ воспользовались его примѣромъ) потерялъ охоту публиковать что-либо, кромѣ того, что непосредственно въ данный моментъ находилось передъ его глазами, какъ наблюдателя, или подъ его рукою, какъ собирателя. Обо всемъ прочемъ, лежавшемъ у него на пути, гдѣ, какъ онъ полагалъ, починокъ не принадлежалъ ему одному, онъ съ какимъ-то прене-

бреженіемъ умалчивалъ, такъ что лишь изъ сообщенія о мѣстѣ наблюденія какого либо цвѣтка, насѣкомаго, минерала или о стояннн барометра, можно заключить, что онъ находился въ томъ или другомъ пунктѣ. Ему не приходило на мысль, что легко доступное и всѣмъ извѣстное сегодня, будетъ завтра или спустя нѣсколько лѣтъ, а тѣмъ болѣе черезъ столѣтіе, видно лишь при помощи зрительной трубы изслѣдованія. Упущенное имъ біографъ его лишь тогда имѣетъ право или обязанность дополнить, когда вѣрность общаго впечатлѣнія можетъ отъ того зависѣть.

Свойство самого предмета усиливаетъ опасеніе автора, что изложеніе его будетъ неровно, и такимъ образомъ не совсѣмъ удовлетворительно. Фактическое содержаніе матеріала входитъ то въ сферу всендневной жизни, то въ область строгой науки; при обработкѣ его, выписки изъ собственныхъ сочиненій Лаксмана постоянно связывали меня, и я чувствую, что иное требовало бы болѣе полной передѣлки, чтобъ быть умѣстнымъ въ біографіи. Поэтому я предвижу невозможность достигнуть той стройности изложенія, при которой ходъ жизни, событій и дѣйствій являлись бы въ естественной между собою связи. Всего болѣе боюсь, что мѣста, гдѣ должны быть повѣрены самыя источники и сличены несложныя между собою свѣдѣнія, будутъ отзываться нѣкоторою изысканностью и сухостью ученаго изслѣдованія. Простой эпическій характеръ разсказа при этомъ неминуемо пропадаетъ. Но чтобы на сколько возможно спасти единство цѣлаго, я въ такихъ случаяхъ и вообще въ продолженіе всего изложенія, намѣренъ прибѣгать къ помощи примѣчаній, устраняя изъ текста такія подробности, которыя могли бы показаться читателю излишними. Вѣрность изображенія въ цѣломъ и въ частностяхъ, правда и безпристрастіе картины будутъ первою и послѣднею моею цѣлью; лишь при этихъ условіяхъ я могу ожидать снисхожденія къ недостаткамъ этого труда.

II.

Время отъ 1737 до 1762 года.

Рожденіе Лаксмана въ Нейшлотѣ. Несчастія родительскаго дома. Посѣщеніе школы въ Рантасальми, гимназіи въ Борго и Абовскаго университета. Посвящается въ священники и дѣлается помощникомъ пастора.

Эрикъ Лаксманъ ²⁰⁾ родился въ маленькомъ городкѣ ²¹⁾ при Нейшлотской крѣпости, 27-го іюля 1737 года ²²⁾, слѣдовательно въ то время, когда эта часть Финляндіи еще была подвластна Швеціи. Откуда происходилъ родъ его, составлялъ ли онъ отрасль соименнаго рода, извѣстнаго уже въ XIV столѣтіи, во время царствованія Эрика Померанскаго, — это неизвѣстно. Отецъ Густавъ Лаксманъ состоялъ мѣщаниномъ и купцомъ города Нейшлота; онъ утонулъ въ 1756 г. ²³⁾, оставивъ вдову свою Елену Фабриціусъ ²⁴⁾, скончавшуюся въ преклонныхъ лѣтахъ въ 1775 г. ²⁵⁾, и девять человѣкъ непристроенныхъ дѣтей, въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Потомки семейства, оставшіеся на родинѣ, впоследствии перешли, кажется, въ крестьянское сословіе ²⁷⁾.

Дѣтство и молодость Эрика Лаксмана прошли при злополучныхъ и тяжкихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Война, необдуманно начатая Швеціею, жестоко опустошала его родину и особенно мѣстность около Нейшлота. Крѣпость, куда спасались толпы людей изъ окрестностей, въ августѣ 1742 г. принуждена была сдаться, и всѣмъ нашедшимъ тамъ убѣжище было дозволено выйти вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, при распущенныхъ знаменахъ и барабанномъ боѣ, но увы! для того только, чтобы направить печальные шаги свои къ истоптаннѣмъ полямъ, къ разореннымъ домамъ и дворамъ. Вскорѣ послѣ того заключенъ былъ миръ, оторвавшій ихъ на вѣки отъ родной Швеціи. Жестокая участь постигла множество частныхъ лицъ, такъ напр. мѣстный пасторъ, Павелъ Крогіусъ ²⁸⁾, видѣвшій муки и разореніе прихожанъ своихъ, принужденъ былъ со своимъ большимъ семействомъ обратиться въ бѣгство, переполненное страданій. Судя по этому, а также по разоренному состоянію, въ которое

страна эта была повергнута на долгое время, вслѣдствіе тяжкихъ контрибуцій въ пользу друзей и недруговъ, надо предполагать, что и родителямъ Лаксмана досталась тяжелая доля въ этихъ общихъ несчастіяхъ, такъ какъ извѣстно, что они послѣ того жили въ большой нуждѣ.

Осталось однакожь одно утѣшеніе и облегченіе въ несчастіи, именно: побѣдившая императрица, предлагавшая Финляндіи еще во время войны, замѣчательнымъ манифестомъ, самостоятельность отдѣльнаго государства, оставила своимъ новымъ подданнымъ ихъ старинные законы и общественныя учрежденія, чѣмъ были спасены ихъ лучшее имущество, ихъ надежда на будущность: духовная, умственная связь съ остальною Финляндіей, остававшейся еще 65 лѣтъ подъ державою Швеціи. Эта часть Финляндіи съ готовностью раздѣляла все что могла со своими въ политическомъ отношеніи разлученными сынами: попрежнему принимая ихъ въ свои учебныя заведенія и присутственныя мѣста.

Съ давнихъ временъ въ Нейшлотѣ существовало училище, которое въ то время однакожь, вслѣдствіе многолѣтней войны и безопасности своего начальника І. Бушмана, находилось въ бѣдственномъ состояніи. Можно полагать, что Лаксманъ, отецъ котораго занималъ какую-то хозяйственную должность при училищѣ²⁹⁾, началъ обученіе свое въ немъ; отсюда онъ поступилъ въ учрежденное въ 1748 г. тривиальное училище въ Рантасальми, въ шведской части Финляндіи. Это училище, по многимъ причинамъ, какъ-то за неимѣніемъ постоянного помѣщенія, вслѣдствіе трудности для учителей и воспитанниковъ на мѣстѣ находить квартиры³⁰⁾ и пр., мало по малу пришло въ упадокъ; но въ первое десятилѣтіе своего существованія, когда ректорами его были сперва Б. Крокъ, а потомъ Н. Агандеръ, оно еще пользовалось общимъ довѣріемъ и было посѣщаемо многими молодыми людьми изъ окрестныхъ приходовъ, преимущественно изъ прихода Йоккасъ. Назовемъ нѣкоторыхъ товарищей Лаксмана по этому училищу: Абр. и П. Р. Фабриціусы, вѣроятно состоявшіе въ родствѣ съ нимъ по матери; изъ нихъ послѣдній умеръ областнымъ судьей, въ глубокой старости, въ 1819 г.; К. Г. Веманъ, впослѣдствіи первый доцентъ финскаго языка

при Абовскомъ университетѣ; М. I. Алопеусъ, бывшій епископомъ, — родственникъ Лаксмана.

По окончаніи школьнаго курса, Лаксманъ обучался въ Боргоской гимназіи, перенесенной изъ Выборга, послѣ того какъ русскіе овладѣли этимъ городомъ. По матрикулу этой гимназіи, Лаксманъ вступилъ въ нее 15-го марта 1755 года, т. е. въ тотъ же день, когда и вышеупомянутые Фабриціусы поступили туда; а по другой запискѣ ³²⁾ временемъ вступленія названъ 1753 годъ. Благопріятной случайностью для него можно считать то, что онъ здѣсь встрѣтился съ прежнимъ учителемъ своимъ по школѣ—съ Б. Кроккомъ, обладавшимъ обширными познаніями; онъ былъ лекторомъ греческаго и еврейскаго языковъ въ гимназіи. Также и другіе опытные и усердные учителя, богословъ П. Бонсдорфъ, лекторъ элоквенціи, впоследствии епископъ П. Крөгюсъ (сынъ Нейшлотскаго пастора) и другіе содѣйствовали въ то время доброй славѣ гимназіи. По понятіямъ нашего времени обученіе не было очень обширно и имѣло цѣлю не столько сообщеніе извѣстныхъ специальныхъ познаній, сколько и даже болѣе сообщеніе свѣдѣній, считавшихся нужными для общаго и преимущественно для богословскаго образованія. Направленіе къ полезности, проявлявшееся въ продолженіе всего т. н. періода свободы въ шведской исторіи, и придавшее ему своеобразный отпечатокъ, не могло не оказывать своего вліянія на отрасли общественной жизни, что почувствовалось также и въ преподаваніи элементарныхъ свѣдѣній. Хотя естественныя науки занимали менѣе половины времени того учителя, который преподавалъ также математику и логику, но къ нимъ относились внимательно. Съ 1750 г. гимназія имѣла весьма хорошія минералогическія, ботаническія и зоологическія коллекціи ^{33a)}. Представителемъ этихъ наукъ при гимназіи былъ магистръ, впоследствии докторъ богословія I. Боргстремъ, бывшій передъ тѣмъ доцентомъ экономіи и естественныхъ наукъ въ Абовскомъ университетѣ послѣ Кальма, и вполне воспитанный въ духѣ этого своего знаменитаго предшественника. Хотя самъ онъ, по мнѣнію Портана, имѣлъ лишь посредственныя познанія въ предметѣ своего преподаванія, но умѣлъ возбуждать особенный интересъ къ нему